

Научная статья
УДК 745/749(517.3)
DOI 10.46748/ARTEURAS.2025.01.001

Украшения и аксессуары женского костюма монгольских кочевников (на примере изделий художественного ремесла из собрания Национального музея Монголии, Улан-Батор)

Бао Гэрэлтуу

Академический университет Монголии, Улан-Батор, Монголия
grtlz2010@gmail.com

Дондов Ульзийбаяр

Монгольский национальный университет искусств и культуры, Улан-Батор, Монголия
uuuji802@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются изделия художественного ремесла из собрания Национального музея Монголии, служившие в качестве элементов убранства женского костюма монгольских кочевников. Они анализируются в контексте так называемой «имперской» культуры, под которой понимается духовная и материальная культура Великой Монгольской империи XIII–XIV веков. Такой подход подразумевает определенную общность типологии и стилистического решения, существующую между разными ремесленными изделиями, возникшими на территории Евразии в указанный период. Их искусствоведческое рассмотрение осуществляется с привлечением материалов археологических раскопок и ряда важных текстовых и иконографических источников. Показано, что при всех особенностях, обусловленных разной природой рассматриваемых предметов костюмного облачения, они обладают рядом признаков, сближающих их с произведениями ремесленного искусства Золотой Орды, в частности — общими типологическими признаками и использованием дорогих материалов.

Ключевые слова: декоративно-прикладное искусство Монголии, художественные ремесла, Великая Монгольская империя, Золотая Орда, династия Юань, женская одежда, бокка, украшения, жемчуг, серьги, перстни

Для цитирования: Гэрэлтуу Б., Ульзийбаяр Д. Украшения и аксессуары женского костюма монгольских кочевников (на примере изделий художественного ремесла Национального музея Монголии, Улан-Батор) // Искусство Евразии [Электронный журнал]. 2025. № 1 (36). С. 14–29. <https://doi.org/10.46748/ARTEURAS.2025.01.001>. URL: <https://eurasia-art.ru/art/article/view/1156>.

Original article

Decorations and accessories of women's costume of Mongolian nomads (by example of crafts items from the collection of the National Museum of Mongolia, Ulaanbaatar)

Bao Gereltuu

Graduate University of Mongolia, Ulaanbaatar, Mongolia
grtlz2010@gmail.com

Dondov Ulzibayar

Mongolian National University of Arts and Culture, Ulaanbaatar, Mongolia
uuujii802@gmail.com

Abstract. This article examines the artistic crafts from the collection of the National Museum of Mongolia, which served as important elements of the decoration of the women's costume of the Mongolian nomads. These artefacts are analysed in the context of the 'imperial' culture, understood as the spiritual and material culture of the Great Mongol Empire during the 13th and 14th centuries. This approach implies a certain commonality of typology and stylistic solution existing between different handicrafts, which emerged in the vast territory of Eurasia during the period. Their art-historical examination is carried out with the use of the findings from archaeological excavations and a number of important textual as well as iconographic sources. It is shown that, despite all the characteristics of the different types of costume garments, they have a number of features that align them with the artistic oeuvre of the Golden Horde, particularly with regard to shared typological features and the use of expensive materials.

Keywords: Mongolian arts and crafts, nomadic art, Great Mongol Empire, Golden Hord, Yuan dynasty, women's clothing, boxing, jewelry, pearls, earrings, rings

For citation: Gereltuu, B. and Ulzibayar, D. (2025) 'Decorations and accessories of women's costume of Mongolian nomads (by example of crafts items from the collection of the National Museum of Mongolia, Ulaanbaatar)', *Iskusstvo Evrazii = The Art of Eurasia*, (1), pp. 14–29. doi:10.46748/ARTEURAS.2025.01.001. Available from: <https://eurasia-art.ru/art/article/view/1156>. (In Russ.)

Введение

Ремесленные изделия и произведения монгольского ювелирного искусства, распространенные на обширной территории Центральной Евразии, давно привлекали внимание исследователей, что отчетливо видно по большому количеству посвященных им научных публикаций. Однако их изучение в основном проводилось на основе вспомогательных исторических дисциплин, таких как

археология или эпиграфика, где интересующая нас тема преимущественно рассматривается в применении к отдельным находкам, обнаруживаемым в разбросанных далеко друг от друга захоронениях XIII–XV веков. В то же время такие изделия достаточно редко изучаются с позиций искусствоведческого анализа. Одно из немногих исключений в этом ряду представляет замечательная монография Г.А. Фёдорова-Давыдова «Искусство

кочевников и Золотой Орды» (Москва, 1976), где были проанализированы художественные вкусы золотоордынцев и показано стилистическое своеобразие выполненных ими изделий [1]. Однако с выхода в свет уникальной книги видного советского ученого прошло почти полвека, за это время было накоплено множество новых фактических сведений и обнаружено в ходе раскопок немало изделий художественного ремесла монголов. Их богатейшей коллекцией обладает Национальный музей Монголии в Улан-Баторе, недавно опубликовавший фундаментальный научный каталог предметов и украшений традиционного монгольского костюма [2].

Основываясь на материалах этого собрания, мы поставили своей задачей представить искусствоведческий анализ ряда хранящихся там изделий декоративно-прикладного искусства, составлявших ансамбль женского костюмного облачения в эпоху существования Великой Монгольской империи. Сопоставляя эти вещи, найденные в земле современной Монголии, с находками, обнаруженными на территории Золотой Орды, мы стараемся показать выявленную между ними общность, говорящую о том, что при всех локальных различиях существовали базовые признаки, типичные для костюмного облачения монгольской знати. С той же целью привлекались современные текстовые и визуальные источники, подобные запискам Г. де Рубрука «Путешествие в Восточные страны», где получило свое отображение убранство монгольских женщин. Однако прежде чем мы приступим к этой работе, следует обозначить некоторые существенные признаки, которыми характеризовалось художественное ремесло Великой Монгольской империи.

Великая Монгольская империя и проблема межкультурной коммуникации

С конца прошлого века в лексикон исследователей, писавших о духовной и материальной культуре монголов, прочно вошло ее определение как «имперской». На наш взгляд, такое понятие не только характеризует общественно-политический статус монгольского государства, основанного Чингисханом, но также скрывает в себе ряд важных уровней смыслового значения, которые имеют непосредственное отношение к выбранной нами теме. Самое поверхностное истолкование понятия «имперский» позволяет опознать во многих изделиях монгольского прикладного искусства репрезентативные признаки, обычно отождествляемые с любыми проявлениями имперского сознания. Его высшую форму составлял зрелищный придворный церемониал, для участниц которого предназначалось женское костюмное убранство. (Можно вспомнить знаменитое

описание конной процессии монголох у Рубрука, которому она напомнила торжественный воинский строй). Однако понятие «имперского» костюма, как минимум, таит в себе еще один важный семантический пласт, подразумевающий определенное единство разных типологических форм, в нашем случае — элементов женского костюмного ансамбля, которые, имея в большинстве случаев монгольское происхождение, были широко распространены в полиэтнической среде правящего класса. И наконец, но отнюдь не в последнюю очередь, понятие «имперской» культуры (и «имперского» костюма, в частности) подразумевает ее синтетический характер, в свою очередь явившийся итогом сложных процессов взаимодействия и слияния разных этнических культур на протяжении XIII–XIV столетий, когда в состав империи входило множество территорий, каждая из которых обладала собственными культурными традициями и практикой ремесленного производства.

Давно ушли в прошлое времена, когда в историографии Монгольской империи она рассматривалась исключительно с критических позиций в качестве «тюрьмы народов», а ее историческое наследие отождествлялось с историческими катастрофами вроде разорительных нашествий и бедствий. Такой подход, в известном отношении сформировавшийся под влиянием стереотипов и интеллектуальных клише, восходивших к составленным христианскими писателями Средних веков и оттого враждебным монголам историческим хроникам и запискам, был весьма типичен для советских историков и широко отражен в исторической литературе. Разумеется, приоритет тут принадлежал Золотой Орде [3, с. 24–41]. Однако в настоящее время в науке доминирует более взвешенный и осторожный подход, учитывающий всё разнообразие фактов из области политической, социально-экономической и культурной жизни, порожденных в «плавильном котле» огромного полиэтнического государства под управлением монголов в Центральной Евразии. (Важным обобщающим исследованием в этой области является замечательная монография французского историка М. Фавэру [4]). Истинность такого утверждения предстает с особенной отчетливостью при анализе культурных взаимосвязей, существовавших в общественном пространстве империи, которое воспринимается оттого как пространство синтеза разных по своему этническому происхождению традиций. Исследования последних лет вскрыли множество аспектов сложнейшего процесса языкового и культурного взаимодействия, осуществлявшегося в пору наивысшего расцвета империи монголов, когда она по праву могла определяться в качестве «мультикультурного государства» [5]. При этом причины, стимулировавшие взаимообмен, могли быть

различными, однако в целом господствовал утилитарный, практический расчет, заставлявший отбирать наиболее эффективные решения из числа уже существующих. Прагматический подход монгольских завоевателей к разрешению бесчисленных проблем, связанных с общественным функционированием колоссального государства, проявился в их уважительном отношении к языку и письменности покоренных народов, которые были умело поставлены ими на службу новым правителям [5, с. 59]. С такой же практичностью использовались принципы администрирования, заимствованные в захваченных монголами государствах, и технические навыки, причем обе сферы также могли взаимодействовать и временами даже совпадать. В этом смысле достаточно будет упомянуть о знаменитой практике использования прямоугольных металлических табличек (пайцза, другие варианты написания: пайза, пайдза) для ношения государственными чиновниками, объединившей традиции государственного устройства феодального Китая с принципами управления подданными, принятыми в Великой Монгольской империи.

Как известно, применение пайцз в качестве подтверждения административных полномочий, делегированных высшей властью, было широко распространено уже у киданей в пору существования империи Ляо (916–1125), хотя, по всей видимости, такое обыкновение имело место и ранее. Позднее, во время правления китайской династии Сун (960–1279), область их использования заметно расширилась, что закономерно привело к более дифференцированному применению и одновременно появлению новых типологических разновидностей пайцз. Однако своим широким распространением практика их использования была обязана именно монголам, колоссальные размеры империи которых сделали ее жизненно необходимой, поскольку требовали рассылки уполномоченных представителей Великого хана в самые удаленные пределы монгольской цивилизации. Вот отчего такие изделия обычно обнаруживаются на обширнейших территориях Евразии, где ареал их распространения совпадает с границами территории, находившейся под его властью.

В каком-то смысле пайцза может восприниматься в качестве парадигмы характерного для монгольского государства подхода к осуществлению синтеза разнородных культурных традиций. Взяв за основу китайский образец, монголы значительно усовершенствовали заимствованную типологию и расширили сферу применения таких изделий, номенклатура которых отличалась у них поразительной обширностью и разработанностью в деталях, что позволяет говорить не столько об адаптации, сколько об апроприации чужого,

очень скоро ставшего своим, причем важнейшим элементом материальной культуры. Показательно в этом контексте, что надписи на пайцзах с самого начала делались на монгольском языке, давая их носителям привилегию говорить и действовать от имени Великого хана, чье имя помещалось на табличке. Столь же примечательной чертой является и соседство на поверхности одной пайцзы надписей на китайском и монгольском языках: на первом давалось обозначение («почетный знак») и нумерация, а на втором приводилась формула утверждения власти Великого хана, типичная для официальных документов, как в двух сохранившихся золотоордынских пайцзах вытянутой прямоугольной формы из собрания Государственного Эрмитажа [6, с. 210–214]. Обе они датируются XIII столетием и изготовлены из серебра, причем на одной из них сохранились следы позолоты. Однако со временем к монгольскому тексту в зависимости от необходимости могли добавляться надписи и на других языках, что позволяет современным исследователям говорить о «мультикультурализме» как о доминирующей тенденции в материальной и духовной культуре монголов [5, с. 61]. В то же самое время требование унификации, представляющей собой основной организующий принцип общественного и государственного уклада любой империи, требовал стереотипизации формы пластин и формуляра надписи на пайцзах, отчего новые находки обычно воспринимаются как повторения уже известных артефактов, отличающиеся от них лишь незначительными особенностями физических параметров, палеографии и иконографии [7, с. 25–37]. Такой подход, по нашему мнению, следует как минимум принимать во внимание при исследовании женского костюма монгольской аристократии.

Женская одежда

Существует обширная научная литература, посвященная рассмотрению монгольской одежды времени существования Монгольской империи, в частности, костюмного убранства знатных монгольских женщин (библиографию см. в издании) [8, с. 391–393]. Поэтому мы ограничимся тем, что проанализируем ряд основных признаков, которыми характеризовалось одеяние знатных монголов. Его определение как «имперского» оправдано не только особенно пышным характером, которым отличалось церемониальное облачение жен Великих ханов, правителей Золотой Орды и представительниц аристократического сословия. Оно также выглядит уместным оттого, что монгольский женский костюм шился из тканей, поступавших ко двору из разных и порой весьма отдаленных географических регионов, входивших в состав монгольского государства. Костюмное

облачение монголок изготовлялось из хлопковых, шелковых и шерстяных тканей, из кожи и мехов, доставлявшихся из Китая, Персии, с обширных территорий Восточно-Европейской равнины, даже из Венгрии. Важными историческими источниками для его изучения служат сообщения современных авторов-западноевропейцев, бывавших по разным обстоятельствам в Монгольской империи, а также немногие сохранившиеся изображения той эпохи, о которых речь пойдет ниже.

Основываясь на них, можно сделать предварительный вывод о том, что монгольский костюм был весьма разнообразен по своему составу, отличался роскошью и, кроме того, подразделялся на зимний и летний. Впечатление редкостного визуального разнообразия также достигалось за счет использования большого количества костюмных аксессуаров и украшений, выполненных из золота и серебра, а это означает, что искусство портных и ремесленников в пору расцвета монгольского государства находилось на исключительно высоком профессиональном уровне.

В связи с этим также имеет смысл отметить, что пристрастие к роскошным изделиям и нарядным одеждам получило распространение не только в отдельных центрах монгольского государства вроде столицы Золотой Орды, но на всей его территории, что дает дополнительные основания для определения женского костюма как «имперского». Такое положение дел открывает возможность для сопоставления археологических находок, имеющих золотоордынское происхождение, с экспонатами из собрания Национального музея в Улан-Баторе.

Наши познания о монгольском женском костюме позволяют исследователям реконструировать его основные элементы как минимум в период существования единого монгольского государства. Составными частями одеяния в первую очередь служили дэли (кафтан) и верхняя одежда в виде шубы, отличавшиеся в сравнении с мужскими костюмами большей величиной рукавов и длинными полами (одному западноевропейскому путешественнику они напомнили облачение католических женщин-монахинь), а также замысловатые головные уборы, бокки, о которых отдельно будет сказано ниже. Вместе они составляли костюмный ансамбль, части которого обычно не использовались по отдельности во время торжественных церемоний, но, напротив, требовали одновременного ношения именно в качестве ансамбля. Несмотря на отдельные местные отличия вроде ширины рукавов или угла наклона отворотов, его элементы в целом отличались стабильным и унифицированным характером.

Изображение дэли изредка встречается в отдельных источниках (среди них — уникальный петроглиф, обнаруженный в Тэнгэрской долине близ Улан-Батора, где показана женская фигура в высокой остроконечной шапке и сапогах с загнутыми носами), а об его покрое и размерах позволяют судить фрагменты женской одежды, обнаруженные во время археологических раскопок. Благодаря им можно сделать вывод о том, что обычно такая одежда отличалась свободным покроем и не была обтягивающей: ее структуру характеризовали широкий лиф (тут можно вспомнить слова Рубрука о том, что у монголов «все женщины удивительно тучны»), длинные рукава, расширяющиеся на конце, и просторный нижний край, стелившийся по земле. Замечательным образцом дэли, отвечающим такой типологии, служит обширный фрагмент, обнаруженный в захоронении в Гоцгор-Тогое (аймак Баянхонгор) (ил. 1). Кафтан сшит из красной и желтой шелковой ткани, покрытой флоральным орнаментом и при этом достаточно тонкой (хотя и на легкой подкладке), что позволяет сделать вывод об этой одежде как о предназначенной для очень жарких летних месяцев в центральной Монголии. Лиф дэли достаточно широк, к нему в районе талии крепится длинная нижняя часть, у места соединения с большим искусством собранная в многочисленные складки шириной до 5 см. Столь же просторными выглядят рукава, свободно охватывающие подмышки, где их ширина составляет 27 см, достаточные для того, чтобы не сковывать движения рук и не доставлять дискомфорта. Швы, которыми рукава крепятся к лифу, декорированы лентой из синего шелка толщиной 4 см.

При этом, несмотря на обширные размеры дэли, характер ткани позволяет предполагать, что такое одеяние могло носиться во время торжественных придворных церемоний под более плотными одеждами вроде нарядно украшенного дэли из кусков разноцветных тканей, искусно пришитых друг к другу. Плохо сохранившиеся остатки подобного изделия были обнаружены там же. Принадлежавший, по-видимому, очень богатой женщине, возможно — царской крови, верхний дэли носился во время торжественных церемоний при дворе и отличался исключительно широким покроем, отчего при движении края могли широко стелиться по земле. Его разноцветие идеально отвечало ярким краскам костюмного ансамбля в целом, акцентами в котором служили яркие головные уборы, блеск драгоценных камней и ювелирных украшений, а также косметика (имеет смысл снова вспомнить в данном контексте свидетельство Рубрука о склонности монголок, «разрисовывать себе лицо», что вызвало отвращение у строгого монаха).

**1. Женский кафтан
(дэли) из захоронения
в Гоцгор-Тогое
(аймак Баянхонгор).**

Длина 112 см,
ширина в груди 44 см.
Национальный музей
Монголии, Улан-Батор

Головные уборы

Творческий подход, который характеризовался стремлением к синтезу культурных достижений разных народов, некогда объединенных в пределах Великой Монгольской империи, также проявился при выполнении отдельных элементов женского костюмного убранства. В первую очередь следует назвать головные уборы, которые представляют собой, пожалуй, наиболее узнаваемую его часть. Если бронзовые пайцзы можно воспринимать как эталонный образец адаптации монголами достижений, прежде существовавших на завоеванных территориях, то женские головные уборы, напротив, служат в качестве обратного примера, поскольку их изучение позволяет судить о том, что имел место и встречный процесс, в ходе которого образцы материальной культуры, зародившиеся у монголов, со временем получили широкое распространение у покоренных народов.

Таков знаменитый женский головной убор, известный как бокка (бохтог, богтак). Анализ археологических данных о погребениях кочевников позволяет сделать вывод о том, что головные уборы такого типа можно с полным основанием характеризовать как специфически монгольский этнический компонент в материальной культуре империи, а также и Золотой Орды, обнаруживаемый примерно в сотне захоронений, разбросанных на обширной территории Великого пояса евразийских степей [9, с. 118–124]. (Впрочем, имеется и противоположное суждение, не считающее бокка этническим маркером). Также из письменных источников хорошо известно, что изделия такого типа получили распространение на территории Китая в пору правления династии Юань (1271–1368), где они были названы «гу-гу» (罽罽冠) [10, с. 120–124]. Сопричастность изделий такого типа «имперской культуре» убедительно доказывается тем фактом, что, как было показано российскими исследователями, один и тот же тип бокки встречается на всей территории монгольского государства, причем если в Золотой Орде он со временем претерпел определенную эволюцию, выразившуюся в изменении внешнего облика, то в культурной традиции династии Юань он сохранил свою изначальную «колоннообразную» форму [10, с. 121].

Имеющиеся в нашем распоряжении письменные источники позволяют сделать вывод о том, что с начала XIII века ношение головных уборов такого типа, несомненно, относившихся к разряду исключительно дорогих изделий, было привилегией замужних (преимущественно знатных) монгольских женщин, что наделяло бокку качеством маркера социального статуса ее обладательницы.

Конструктивную основу бокки составлял каркас из кусков коры и бересты, плотно крепившихся друг к другу и обтянутых алым или коричневым шелком (иногда парчой или войлоком), а ее высота могла составлять более 100 см, причем зрительно она казалась еще выше за счет того, что сверху располагались павлиньи перья, крепившиеся к верхней плоскости бокки. В распоряжении историков монгольского костюма существует ряд современных изображений головных уборов, а также письменные источники, в которых содержатся пространные описания облика монгольских женщин и их костюмного убранства. Самое известное из них принадлежит фламандскому монаху Гильому де Рубруку, побывавшему в Золотой Орде, где на него произвели большое впечатление причудливые головные уборы монголоков. Сильно вытянутые очертания бокки навеяли Рубруку ощущение сходства с классической колонной, поскольку они расширялись кверху, завершаясь утолщением, напоминавшим капитель античного ордера (во время своих путешествий монах-францисканец побывал в Константинополе и на Кипре, где ему довелось видеть немало памятников греко-римской архитектуры) [11, с. 27]. Описание Рубрука также важно для нас еще и оттого, что в нем содержится упоминание об использовании драгоценных камней и других украшений, что подтверждается многочисленными археологическими находками, дающими основание говорить об обильном включении в костюмный ансамбль изделий художественного ремесла. Представлению о том, как выглядели такие головные уборы, помимо современных реконструкций, помогает обращение к знаменитому альбому из собрания Национального музея императорского дворца в Тайбэе (Тайвань), на страницах которого помещены портреты женщин монгольской династии Юань (1271–1368), основанной Хубилаем, внуком Чингисхана (ил. 2). Достоверность изображений в нем подтверждается ссылками на другие, менее известные примеры, среди которых упомянем изображение двух ханш из Музея Метрополитен в Нью-Йорке и фрагмент фресковой росписи из храма «Т» в Кочо с изображением знатной монголки, на голове у которой покоится бокка (ныне в собрании Государственного Эрмитажа). В иллюстрациях из альбома хорошо видно, что нижняя часть бокки (точнее, шапочка, к вершине которой крепилась бокка; такие шапочки могли носиться отдельно или пришивались к бокке) по сторонам была богато украшена жемчугом и вышивкой.

Археологические исследования подтверждают наличие у монголов подобных изделий, существовавших отнюдь не только в фантазии художников. Хорошо известно, что жемчуг служил основным элементом декоративного убранства бокки, рас-

2. Портрет Чаби,
жены хана Хубилая.

XIV в.

Шелк, темпера и чернила.

61,5 × 48.

Национальный музей
императорского дворца,
Тайбэй (Тайвань)

**3. Украшение
для бокки.**

XIII–XIV вв.

Золото, жемчуг, лазурит.

Длина 6 см,

толщина 0,3 см.

Национальный музей

Монголии, Улан-Батор

полагаясь на месте соединения шапочки и колоннообразного основания бокки, на ее тыльной поверхности и на лентах завязок, крепившихся непосредственно к шапочке, как можно видеть на уже упоминавшихся портретах императриц династии Юань. Этот факт подтверждается обнаружением большого количества жемчужин в женских захоронениях, соседствующих с остатками головного убора типа бокка [12, с. 161]. В этом смысле захоронения, которые находят на территории Золотой Орды, ничем принципиально не отличаются от находок, сделанных на территории Монголии, входившей в состав Юаньского государства. Особенный интерес в этом плане для нас представляют изделия художественного ремесла, находящиеся ныне в собрании Национального музея Монголии наряду с сохранившимися фрагментами головных уборов, обнаруженными во время раскопок захоронений в долине Кхуркх в сомоне Хотонт аймака Архангай и в сомоне Тувшин-

ширээ Сухэ-Баторского аймака. Среди находок имеется украшение, некогда, по всей видимости, составлявшее часть декоративного оформления бокки, принадлежавшей знатной монгольской женщине (ил. 3). Выполненное из золота, оно инкрустировано жемчугом, бирюзой и лазуритом. Три больших жемчужины овальной формы, оправленные золотом, крепятся к круглой основе из золота, составляющей центральный элемент всей композиции, при этом соседствуя с золотыми частями, инкрустированными лазуритом и бирюзой. Растительный орнамент отличается редкой сложностью декоративного узора, причем по краям камней оправа дана в форме крохотных металлических гранул, сообщающих фактурную выразительность поверхности. Три миниатюрных отверстия на ней позволяют сделать вывод о том, что некогда это украшение было пришито на основу из шелковой ткани, из которой была изготовлена бокка.

Ношение головных уборов такого типа, инкру-

4. Жена хана Шибала.

XIV в.

Шелк, темпера и чернила.

61,5 × 48.

Национальный музей
императорского дворца,
Тайбэй (Тайвань)

5. Серезка.

XIII–XIV вв.

Золото, жемчуг, бирюза.

Длина 3 см.

Национальный музей

Монголии, Улан-Батор

стированных драгоценными камнями, например, рубинами или жемчугом, составляло привилегию представительниц правящего сословия Монгольской империи, поскольку близкие по форме изделия ювелирного искусства можно видеть на уже упоминавшихся выше тайваньских женских портретах XIV века (к примеру, на изображении жены хана Шибала, ил. 4). Поиск параллелей между археологическими находками и соответствующими им изобразительными мотивами той эпохи представляет собой интереснейшую задачу для исследователя монгольского костюма и изделий художественного ремесла.

Серьги и кольца

Данные археологических раскопок позволяют судить о том, что серьги представляли собой наиболее распространенный элемент убранства кочевников Золотой Орды [13, с. 57]. Они обычно изготавливались из разных материалов и имели различную форму, хотя существовали базовые разновидности серег, распространенных в жи-

тейском обиходе кочевников. Анализ погребений различного типа, где они обнаруживаются, дал исследователям основание для вывода о том, что универсальными, характерными для захоронений женщин и мужчин были серьги в виде колец, тогда как изделия в виде знака вопроса найдены только в женских захоронениях. Знатные женщины носили золотые серьги, которые иногда встречаются и в рядовых захоронениях кочевников, однако вопрос о них как о социальном маркере, а также признаке этнической принадлежности и, в целом, элементе «имперской культуры» всё ещё относится к числу дискуссионных в современной науке [14, с. 150–151]. По-видимому, схожим образом обстояло дело с кочевниками, обитавшими на территории современной Монголии. В традиционном монгольском обществе в повседневной жизни женщины обычно носили серьги, наименование которых (сүйх), по всей видимости, восходит к слову «приданое» (сүйлэх), свидетельствуя о распространении практики принесения невестой в новую семью драгоценных украшений

6. Портрет Джэнгэ,
жены хана Хайсана.

XIV в.

Шелк, темпера и чернила.

61,5 × 48.

Национальный музей
императорского дворца,
Тайбэй (Тайвань)

7. Серьги.

Бронза.

Длина 3,5 см.

Национальный музей

Монголии, Улан-Батор

**8. Серезка в виде
кольца.**

Диаметр 1,2 см,

толщина 0,2 см.

Национальный музей

Монголии, Улан-Батор

в качестве дара от родителей (или же они могли преподноситься в качестве подарка от жениха, однако в любом случае с лингвистической точки зрения несомненной выглядит их связь с брачными обычаями монголов) [2, с. 267].

Если судить по данным визуальных источников, то наиболее распространенными в среде монгольской аристократии были женские серьги в виде знака вопроса (или крюкообразные, такое определение также встречается в современной научной литературе). Интересную черту их выполнения составляют инкрустации из крохотных камешков бирюзы и подвески из жемчужных зерен. Во всяком случае, об этом свидетельствует обращение к уже знакомому нам иконографическому материалу, портретам императриц из Музея императорского дворца в Тайбэе, причем интересно отметить, что серьги жен монгольских ханов имеют разную форму и размер. Если говорить о серьгах в виде знака вопроса, то в качестве примера имеет смысл упомянуть уникальное изделие, обнаруженное в 2006 году в сомоне Хотонт аймака Архангай (ил. 5). К нему также имеются иконографические параллели, поскольку изображение близкой по форме сережки можно видеть на портрете жены третьего императора династии Юань, хана Хайсана, имя которой было Джэньгэ (ил. 6). Сережка из музейного собрания целиком сделана из золота. Она завершается двумя жемчужными бусинами и крохотным камешком бирюзы, скрепленными тонкой золотой проволокой, закругленной на конце, чтобы предотвратить выпадение камней. Использование дорогих материалов, золота и ценных камней, говорит о том, что такая сережка могла принадлежать знатной женщине из среды полиэтнической по составу знати или даже самой императрице, поскольку жены простых кочевников должны были довольствоваться украшениями из бронзы и металла, наподобие тех, что были обнаружены в Хэнтийском и Булганском аймаках. О массовом характере производства таких изделий, помимо прочего, говорит тот факт, что одна из находок предоставила в наше распоряжение пару одинаковых бронзовых серег (ил. 7). По своей крюкообразной форме и конструкции они близко напоминают золотую сережку, с той только разницей, что вместо драгоценных камней на конце помещен шарик из бронзы, сквозь который продета металлическая проволока. Наиболее интересным образцом такого рода является бронзовая сережка из Булганского аймака с тремя каменными бусинами, которые продеты сквозь закручивающийся конец серьги и цвет которых (белый и голубоватый), по всей видимости, призван был придать ей сходство с изделием из золота, украшенным жемчугом и бирюзой. Появление на свет таких артефактов очевидным образом

свидетельствует о стремлении к подражанию представительницам монгольской аристократии и имитации их костюмного убранства и украшений, распространенном среди кочевников. Также в собрании Национального музея Монголии имеется одно уникальное изделие — крохотная сережка в виде кольца, найденная в детском погребении в аймаке Архангай (ил. 8).

Также можно считать задокументированным существование у монгольских кочевников обычая ношения на пальцах колец различной формы, наделавшихся функцией оберега, в том числе, что особенно любопытно, от злых чар той, чьи руки они украшали [13, с. 82]. Они выполнялись из разных металлов (золота, серебра, бронзы), что позволяет высказать осторожное предположение об их значении как показателя социального статуса обладательницы кольца, которое иногда украшалось надписями и драгоценными камнями (или имитацией из стекла). Среди других типологических разновидностей изделий такого рода, известных по раскопкам золотоордынских погребений, получили распространение, причем на достаточно обширной территории, перстни в виде колец из тонкой металлической пластины с овальным щитком. В связи с этим интересно отметить также, что подобные изделия характерны и для захоронений времени существования империи Юань. В собрании Национального музея Монголии хранится пара бронзовых изделий такого типа с щитком, на который нанесен ромбовидный орнамент (обнаружен в захоронении на горе Оорцог овоо в Сухэ-Баторском аймаке).

Выводы

Искусствоведческое рассмотрение изделий художественного ремесла из собрания Национального музея Монголии, которые были обнаружены на территории нашей страны и некогда составляли часть женского костюмного убранства, позволяет сделать вывод об их сопричастности традиции «имперской» культуры, получившей распространение в огромных пределах Великой Монгольской империи. Об этом говорит ряд важных признаков их формального строя и декора, которые обнаруживают непосредственные аналогии с изделиями, возникшими на территории Золотой Орды, и с которыми они составляют часть общей материальной культуры, характеризующейся определенным типологическим единством. Ее определяющим признаком можно считать стремление к роскошной отделке элементов костюма и предметов его декоративного оформления, обнаруживающее себя в использовании дорогих материалов (золота) и драгоценных камней (жемчуга) и в сложности конструктивного решения. Такие качества были вызваны к жизни значением женского костюмного облачения как важного составного элемента парадного ритуала, также характерного для имперской культуры Монгольского государства.

Список источников

1. Фёдоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. М.: Искусство, 1976. 228 с.
2. Монголчуудын хувцас, гоёл чимэглэл / эмхэтгэгчид: Ч. Туулцэцэг, Ж Баярсайхан. Улаанбаатар: Монголын Үндэсний музей, 2023. 328 х.
3. Дунаева Ю.В. Современные контексты и подходы к изучению истории Золотой Орды // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История. 2020. № 1. С. 24–41.
4. Фавэру М. Алтан Орд. Монголчууд дэлхийг өөрчилсөн нь. Улаанбаатар: Адмон, 2021. 370 х.
5. Иштван В. Многоязычие и культурные взаимодействия в Золотой Орде // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5. № 1. С. 56–73. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2017-5-1.56-73>.
6. Елихина Ю.И. Эрмитаж дахь монголын эзэнт гүрний үеийн дурсгалууд. Улаанбаатар – Санкт-Петербург: Эрмитаж улсын музей, Чингис хаан музей, 2023. 224 х.
7. Рева Р.Ю., Беляев Ю.А. Две серебряные золотоордынские пайцзы с уйгуро-монгольскими надписями // Золотоордынская цивилизация. 2017. № 10. С. 25–37.
8. Хрипунов Н.В. Одежда знати Великой империи монголов в 1207–1266 гг. // Золотоордынская цивилизация. 2012. № 5. С. 363–393.
9. Ямилова Р.Р. Головные уборы кочевников Золотой Орды // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. 2009. № 89. С. 118–124.
10. Макласова Л.Э. Конструкция монгольского головного убора «гу-гу» в династии Юань // Археология евразийских степей. 2018. № 4. С. 120–126.
11. Рубрук Г. Путешествие в восточные страны // Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрука. М.: Географгиз, 1957. С. 87–194.
12. Макласова Л.Э., Гордин И.А. Элементы головных уборов из двух погребений курганного могильника Дядьковский 45 // Археология евразийских степей. 2020. № 5. С. 159–167.
13. Каримова Р.Р. Элементы убранства и аксессуаров костюма кочевников Золотой Орды (типология и социокультурная интерпретация). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. 212 с. (Серия «Археология евразийских степей». Выпуск 16)
14. Каримова Р.Р. Серьги кочевников Золотой Орды: типология и социокультурная интерпретация // Уфимский археологический вестник. 2012. № 12. С. 136–152.

References

1. Fedorov-Davydov, G.A. (1976) *Art of nomads and the Golden Horde*. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.)
2. Tuultsetseg, C. and Bayarsaikhan, Z. (comps.) (2023) *Mongolian dress and jewelry*. Ulaanbaatar: Mongolin Undesnii muzei. (In Mong.)
3. Dunaeva, Yu.V. (2020) 'Modern contexts and approaches to the study of the history of the Golden Horde', *Sotsialnyye i gumanitarnyye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 5: Istoriya = Social and humanitarian sciences. Domestic and foreign literature. Series 5: History*, (1), pp. 24–41. (In Russ.)
4. Faveru, M. (2021) *Golden Horde: how the Mongols changed the world*. Ulaanbaatar: Admon. (In Mong.)
5. Vásáry, I. (2017) 'Multilingualism and cultural interactions in the Golden Horde', *Zolotoordynskoye obozreniye = Golden Horde Review*, 5(1), pp. 56–73. doi:10.22378/2313-6197.2017-5-1/56-73. (In Russ.)
6. Elikhina, Yu.I. (2023) *Heritage of the Mongolian empire in the state hermitage*. Ulaanbaatar – St. Petersburg: State Hermitage Museum, Genghis Khan Museum. (In Russ.)
7. Reva, R.Yu. and Belyaev, V.A. (2017) 'Two silver paizas of the Golden Horde with Uighur-Mongolian inscriptions', *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya = Golden Horde Civilization*, (10), pp. 25–37. (In Russ.)
8. Khripunov, N.V. (2012) 'Clothes of nobility in a period of the Great Empire of Mongols in 1207–1266', *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya = Golden Horde Civilization*, (5), pp. 363–393. (In Russ.)
9. Yamilova, R.R. (2009) 'Head-dresses of nomads of the Golden Horde', *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, (89), pp. 118–124. (In Russ.)
10. Maklasova, L.E. (2018) 'The design of the Mongolian headdress "gu-gu" in the Yuan Dynasty', *Arheologia evraziyskih stepej = Archaeology of the Eurasian Steppes*, (4), pp. 120–124. (In Russ.)
11. Rubruk, G. (1957) 'Journey to the Eastern countries', in *Journey to the eastern countries of Plano Carpini and Guillaume de Rubruk*. Moscow: Geografiz, pp. 87–194. (In Russ.)
12. Maklasova, L.E. and Gordin, I.A. (2020) 'Headdress elements from two burials of Diadkovsky 45 burial mound', *Arheologia evraziyskih stepej = Archaeology of the Eurasian Steppes*, (5), pp. 159–167. (In Russ.)

13. Karimova, R.R. (2013) *Decorative elements and accessories of the Golden Horde Nomads' Costume (typology and socio-cultural interpretation)*. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences. (In Russ.)
14. Karimova, R.R. (2012) 'Earrings of nomads of the Golden Horde: typology and socio-cultural interpretation', *Ufimskiy archeologicheskiy vestnik = Ufa Archaeological Herald*, (12), pp. 136–152. (In Russ.)

Информация об авторах

Бао Гэрэлтуу, докторант, Академический университет Монголии, Улан-Батор, Монголия, grtlz2010@gmail.com.

Дондов Ульзийбаяр, PhD (искусствоведение), ученый секретарь Академии изобразительного искусства имени Д. Амгалана, Монгольский национальный университет искусств и культуры, Улан-Батор, Монголия, uuuji802@gmail.com.

Information about the authors

Bao Gereltuu, Doctoral Student, Graduate University of Mongolia, Ulaanbaatar, Mongolia, grtlz2010@gmail.com.

Dondov Ulzibayar, PhD in Arts, Science Secretary of the D. Amgalan Academy of Fine Arts, the Mongolian National University of Arts and Culture, Ulaanbaatar, Mongolia, uuuji802@gmail.com.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 29.01.2025; одобрена после рецензирования 12.02.2025; принята к публикации 13.02.2025.

The article was received by the editorial board on 29 January 2025; approved after reviewing on 12 February 2025; accepted for publication on 13 February 2025.